

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.063-074

Д. П. Великий*

Специально-юридический способ толкования норм уголовно-процессуального права

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о специально-юридическом способе толкования норм уголовно-процессуального права. На примере уголовно-процессуального права автором обосновывается самостоятельный характер специально-юридического способа толкования, его отличия от грамматического и систематического (системного) способов толкования права, а также место данного способа среди других способов толкования. К предмету специально-юридического толкования относятся: специальные юридические термины, понятия, категории, юридические конструкции, типы (закономерности) правового регулирования, правила юридической техники, теоретические положения. Подавляющее большинство такого рода толкований осуществлены Пленумом Верховного Суда РФ и Конституционным Судом РФ, что обусловлено необходимостью единого понимания уголовно-процессуальной терминологии. В отличие от грамматического толкования, где проводится лингвистический анализ текста закона систематического, где при толковании учитывается место нормы в системной взаимосвязи с другими нормами, при специально-юридическом толковании главным источником информации являются юридические знания — знания закона и юридическая теория. Если специально-юридическое толкование осуществляется официальным органом, то, как правило, оно является нормативным. Также, основываясь на правовых позициях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, автором приводятся конкретные примеры «эволюции» правовых позиций от специально-юридического толкования до принятия и изменения правовых норм. Исследуется судебная практика, содержащая результаты специально-юридического толкования уголовно-процессуальных норм — юридические понятия и термины, определяющиеся одинаковыми словами, но имеющие разное значение в зависимости от отрасли права, в которой они используются. Приводятся также примеры определения отраслевой принадлежности нормы права посредством специально-юридического толкования.

Ключевые слова: интерпретация норм права; толкование норм права; специально-юридический способ толкования; грамматический способ толкования; систематический способ толкования; функциональное толкование; официальное толкование; нормативное толкование; юридические понятия; юридические термины; юридические категории.

Для цитирования: Великий Д. П. Специально-юридический способ толкования норм уголовно-процессуального права // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 2. — С. 63—74. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.063-074.

A Special Legal Approach to Interpretation of Norms of Criminal Procedure Law

Dmitry P. Velikiy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Orenburg Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Komsomolskaya, d. 50, Orenburg, Russia, 460000
dvugproc@yandex.ru

Abstract. The paper discusses the issue of a special legal approach to interpretation of norms of criminal procedure law. On the example of criminal procedural law the author substantiates the independent character of the special legal method of interpretation, its difference from the grammatical and systematic (systemic)

© Великий Д. П., 2020

* Великий Дмитрий Петрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Комсомольская ул., д. 50, г. Оренбург, Россия, 460000
dvugproc@yandex.ru

methods of interpretation of law, as well as the place of this method among other means of interpretation. The subject of special legal interpretation include: special legal terms, concepts, categories, legal structures, types (regularities) of legal regulation, rules of legal technique, theoretical provisions. The vast majority of such interpretations were carried out by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, which is predetermined by the need for a common understanding of criminal procedural terminology. Unlike grammatical interpretation, which provides a linguistic analysis of the text of the law, systematic interpretation in which interpretation takes into account the place of the norm in the systemic relationship with other norms, in special legal interpretation the main source of information is legal knowledge, i.e. the knowledge of law and legal theory. If a special legal interpretation is carried out by an official body, it is usually normative. Also, based on the legal stances of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, the author gives examples of “evolution” of legal standings from special legal interpretation to adoption and amendment of legal norms. The article investigates the judicial practice containing the results of special legal interpretation of criminal procedural rules, e.g. legal concepts and terms defined by the same words, but having different meaning depending on the branch of law in which they are used. The author also gives examples of determination of the branch of law to which the norm belongs by means of special legal interpretation.

Keywords: interpretation of the rules of law; special-legal method of interpretation; grammatical method of interpretation; systematic method of interpretation; functional interpretation; official interpretation; normative interpretation; legal concepts; legal terms; legal categories.

Cite as: Velikiy DP. Spetsialno-yuridicheskiy sposob tolkovaniya norm ugovovno-protsessualnogo prava [Special legal way of interpretation of norms of criminal procedure law]. *Lex russica*. 2020;73(2):63—74. DOI : 10.17803/1729-5920.2020.159.2.063-074. (In Russ., abstract in Eng.).

Одним из дискуссионных вопросов теории права является вопрос о существовании самостоятельного специально-юридического способа толкования правовых норм. Выделять в качестве самостоятельного данный способ предложил С. С. Алексеев. По его мнению, предметом специально-юридического толкования являются «особые стороны права как объективной реальности»¹. Идея выделения специально-юридического толкования состоит в том, что приемы традиционных видов толкования — грамматического, логического, систематического и др. — не позволяют выявить точное значение нормы, то значение, которое вкладывал в нее законодатель. Указанные способы имеют свои предметы толкования. Например, никакие приемы грамматического, логического, систематического и других способов толкования не позволяют в полной мере раскрыть значение таких терминов, как «преюдиция», «тенденциозность», «вновь открывшиеся обстоятельства» и т.п. Более того, зачастую использование других способов приводит к противоположным результатам. Так, если проанализировать с точки зрения грамматики и логики термин «вновь открывшиеся

обстоятельства», то можно сделать вывод, что эти обстоятельства, во-первых, уже когда-то «открывались», во-вторых, с ними случилось нечто, что можно определить словом «закрылись», и, в-третьих, они «открылись» вновь. Известно, что УПК РФ придает этому термину иное значение. Также невозможно было логически истолковать норму, согласно которой под судом второй инстанции в уголовно-процессуальном праве до 2013 г. понимались одновременно и суды апелляционной, и суды кассационной инстанций, причем не исключая друг друга по конкретным делам.

Следует отметить, что специально-юридический способ толкования тяжело пробивал себе дорогу в юридической науке. В 60—80-х гг. XX в. толкование специальной терминологии безоговорочно относили к грамматическому способу², уяснение смысла юридических конструкций, связей — к систематическому и логическому способам толкования. Активным противником выделения специально-юридического способа толкования на протяжении нескольких десятилетий является А. Ф. Черданцев. По его мнению, «выделение технико-юридических средств выражения воли за-

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 2. С. 303.

² См., например: Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М. : Юрид. лит., 1967. С. 90—91 ; Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Юстицинформ, 2005. С. 61—63.

конодателя не есть толкование»³. Кроме того, А. Ф. Черданцев адресует С. С. Алексееву упрек в том, что последний не приводит ни одного примера специально-юридического толкования⁴. Следует отметить, что С. С. Алексеев действительно не проиллюстрировал свои теоретические разработки практическими примерами. Однако необходимо иметь в виду, что он и не настаивал на законченности своих выводов. Он прямо отмечал, что «...такое решение проблемы требует, по-видимому, известных уточнений. Необходимо с большей определенностью обрисовать автономию каждого способа толкования, их иерархию, очередность использования. Возможно, нуждается в уточнении и сам термин при обозначении рассматриваемого способа (не следует ли признать более удачным термин “техническо-юридическое толкование”)⁵. В 90-х гг. XX в., а также в начале XXI в. специально-юридический способ толкования получил научное признание. По этой теме защищаются диссертации⁶, а в вузовских учебниках данный способ рассматривается даже без упоминаний о том, что о его существовании нет единого мнения⁷. Показательна для демонстрации становления специально-юридического способа толкования позиция Н. Н. Вопленко — одного из известнейших исследователей интерпретационной техники: «Следует признать, что в своих ранних работах я не выделял данный способ толкования права в качестве самостоятельного, полагая, что правовая сфера может быть познана и объяснена на основе традиционных способов: грамматического, систематического и т.д. Однако “червь сомнения” в правильно-

сти такой позиции сделал свое дело... Слишком уж велико и юридически значимо своеобразие языка права, правовых конструкций, терминов и приемов, используемых в правотворчестве, правоприменении, систематизации нормативного материала, которые могут быть поняты и объяснены только с помощью средств юридической науки»⁸.

Прежде чем анализировать особенности специально-юридического толкования в уголовно-процессуальном праве и процессе, необходимо выделить элементы предмета данного способа толкования. Так, по нашему мнению, основанному на анализе научных источников, указанных выше, и на собственных выводах, к предмету специально-юридического толкования относятся: специальные юридические термины, понятия, категории⁹, юридические конструкции, типы (закономерности) правового регулирования, правила юридической техники, теоретические положения.

Толкование специальных терминов и понятий — наиболее заметная часть специально-юридического толкования. Подавляющее большинство такого рода толкований осуществлены Пленумом Верховного Суда РФ и Конституционным Судом РФ, что обусловлено необходимостью единого понимания уголовно-процессуальной терминологии. Как справедливо полагает Н. А. Власенко, «правовые понятия весьма неопределенные феномены и приобретают определенность лишь в случаях их конкретизации, результатом которой являются дефиниции. Таким образом, правовые дефиниции есть переход от неопределенности к определенности в праве»¹⁰.

³ Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М. : Юнити-Дана, 2003. С. 124.

⁴ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 125—126.

⁵ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 306.

⁶ См., например: Слесарев А. В. Специально-юридическое толкование норм гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003.

⁷ См., например: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2001. С. 354 ; Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М. : Юрайт-М, 2001. С. 210 ; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. С. 484—485.

⁸ Вопленко Н. Н. Интерпретационная техника: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. 2007. № 9. С. 20.

⁹ Говоря о предмете специально-юридического толкования, следует иметь в виду, что «термин», «понятие» и «категория» не должны использоваться в качестве синонимов в научной дискуссии. Подробнее о различиях «термина», «понятия» и «категории» см.: Миролевич А. В. Рассуждения о природе оценочных понятий // Сибирский юридический вестник. 2006. № 4. С. 19—20.

¹⁰ Власенко Н. А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 59.

Во-первых, специально-юридическое толкование осуществляется для уяснения и разъяснения терминов и понятий, значение которых в быденном языке существенно отличается (как правило, оно шире) от значения в уголовно-процессуальном праве. Так, уже упоминавшийся термин «тенденциозность» применительно к коллегии присяжных заседателей истолкован Пленумом Верховного Суда РФ как «...случаи, когда при соблюдении положений закона о порядке ее формирования тем не менее имеются основания полагать, что образованная по конкретному уголовному делу коллегия вследствие особенностей этого дела не способна всесторонне и объективно оценить обстоятельства рассматриваемого уголовного дела и вынести справедливый вердикт (например, вследствие однородности состава коллегии присяжных заседателей с точки зрения возрастных, профессиональных, социальных и иных факторов)»¹¹. Перечислением примеров тенденциозности состава коллегии присяжных Пленум Верховного Суда РФ задает определенное направление пониманию содержания данного термина.

Во-вторых, без специально-юридического толкования не обойтись при выявлении и уяснении смысла терминов, используемых в разных отраслях права. Так, Конституционный Суд РФ достаточно обстоятельно разъяснил юридическое различие термина «свидание» в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве: «Как следует из ст. 89 УИК Российской Федерации, законодатель, предусматривая предоставление свиданий осужденным к лишению свободы, различает, с одной стороны, свидания, которые предоставляются им в целях сохранения социально-полезных связей с родственниками и иными лицами, и с другой — свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, в целях реализации осужденными конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Именно с учетом различий в правовой природе и сущности этих видов свиданий законодатель хотя и использует для их

обозначения один и тот же термин, вместе с тем по-разному подходит к их регламентации, исходя из того, что, если режим свиданий осужденного с родственниками и иными лицами предполагает нормативную определенность в части, касающейся продолжительности, частоты, порядка их предоставления и проведения, а также возможных ограничений, то правовой режим свиданий с адвокатами, как обеспечиваемый непосредственным действием права, закрепленного в статье 48 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, не требует подобного урегулирования. Свидетельством нетождественности указанных видов свиданий является и то, что свидания с адвокатами и лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, не засчитываются в число свиданий с родственниками и иными лицами...»¹²

Похожая ситуация возникла с термином «конфискация», когда Конституционный Суд РФ, используя нормы международного права, проводил различие между конфискацией в уголовно-правовом смысле и конфискацией в уголовном судопроизводстве: «Норма, содержащаяся в пункте 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации (пункт 1 статьи 86 УПК РСФСР), будучи по своей природе и сущности нормой уголовно-процессуального законодательства как самостоятельной отрасли в системе законодательства Российской Федерации, имеет собственный предмет правового регулирования — институт вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве. Как таковая данная норма, обеспечивая выполнение Российской Федерацией принятых на себя международно-правовых обязательств применительно к сфере уголовно-процессуального законодательства, не подменяет и не может подменять собой нормы уголовного закона, которыми и только которыми конфискация устанавливается в качестве уголовного наказания и, соответственно, не исключает урегулирование вопросов конфискации в сфере уголовного законодательства с учетом предписаний названных конвенций (Конвенция об отмывании, выявле-

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Российская газета. № 272. 02.12.2005.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2003 № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича» // СЗ РФ. 2004. № 2. Ст. 160.

нии, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 8 ноября 1990 г. (ратифицирована Федеральным законом от 28.05.2001 № 62-ФЗ) и Конвенция против транснациональной организованной преступности 15 ноября 2000 г. (ратифицирована Федеральным законом от 26.04.2001 № 26-ФЗ). — Д. В.)»¹³.

Вполне приемлемы и обратные ситуации, когда интерпретатор, уясняя значение какого-либо термина в одной отрасли права, распространяет это же значение и на другие отрасли. Так, Пленум Верховного Суда РФ, отождествляя термин «*диффамация*», используемый в решениях Европейского Суда по правам человека, с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений (ст. 152 ГК РФ), указывает, что «*если действия лица, распространившего не соответствующие действительности порочащие сведения, содержат признаки преступления, предусмотренного статьей 129 Уголовного кодекса Российской Федерации (клевета), потерпевший вправе обратиться в суд с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности, а также предъявить иск о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства*»¹⁴. Таким образом, Пленум разъяснил, что термин «*диффамация*», используемый Европейским Судом, касается не только гражданско-правового, но и уголовно-правового способа защиты чести и достоинства личности.

В-третьих, специально-юридическое толкование может иметь место при проведении различий в терминологии не только разных отраслей права, но и разных стадий одной отрасли. На наш взгляд, данная ситуация абсолютно недопустима, поскольку, как правило, приводит к путанице и вынесению незаконных решений. Так, конструкция «*исследование доказательств*» в течение более 5 лет имела одно значение, если применялась на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции (ст. 274, 294 УПК РФ), и другое значение при производстве в кассационной инстанции. Пленум Верховного Суда РФ неоднократно указывал на это отличие в понимании данной конструкции: «*...применительно к части 4 статьи 377 УПК РФ под исследованием доказательств судом кассационной инстанции следует понимать проверку имеющихся в уголовном деле доказательств, исследованных судом первой инстанции. В связи с этим суд кассационной инстанции не вправе проводить допрос свидетелей, назначать судебные экспертизы и т.п.*»¹⁵. Однако впоследствии своим же решением Пленум Верховного Суда это положение отменил¹⁶.

Специально-юридическому толкованию подвергаются и категории, которые выглядят вполне понятными и для которых, на первый взгляд, достаточно грамматического толкования, однако при более детальном рассмотрении нуждающиеся в наполнении опреде-

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 08.07.2004 № 251-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Яковенко Андрея Федоровича пунктом 1 статьи 86 УПК РСФСР и гражданина Исмаилова Адилы Юнус-оглы пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации, а также жалобы гражданина Кузьмина Владимира Клавдиевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 81 УПК Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3992.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». П. 6 // Российская газета. № 50. 15.03.2005.

В настоящий момент ст. 129 УК РФ «эволюционировала» в ст. 129.1 УК РФ.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций». П. 14 (первоначальная редакция) // Российская газета. № 2. 14.01.2009. Аналогичное разъяснение давалось в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60, от 11.01.2007 № 1, от 09.12.2008 № 26, от 23.12.2008 № 28).

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2009 № 12 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28 “О применении норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

ленным юридическим смыслом. Так, в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. установлено: *«Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны»*. Конституционный Суд РФ оказался перед необходимостью истолковать категорию *«окончательно»* применительно к решениям судов. От этого истолкования зависела судьба уголовных дел в отношении Р. В. Зелиба, которые в 2003—2005 гг. неоднократно возбуждались следственными органами Саратовской областной прокуратуры, прекращались судом, а затем вновь возбуждались по тому же факту, но по другим статьям УК РФ. Конституционный Суд РФ разъяснил, что: *«...под окончательными решениями суда понимаются такие судебные решения, которые после реализации осужденным или оправданным, а также другими участниками процесса права на рассмотрение его дела в вышестоящем суде вступили в законную силу и подлежат исполнению»*¹⁷. Неопределенность возникала и в понимании части первой ст. 412 УПК РФ, действовавшей до 31 декабря 2012 г., в которой было установлено, что не допускается внесение повторных надзорных жалоб или представлений в суд надзорной инстанции, ранее оставивший их без удовлетворения. Разъясняя категорию *«повторная надзорная жалоба»*, Конституционный Суд РФ указал, что *«...повторной надзорной жалобой (представлением) следует считать жалобу (представление), принесенную по тому же делу, в отношении того же осужденного и по тем же основаниям, что и жалоба (представление), ранее оставленная без удовлетворения»*¹⁸. Данная формулировка впоследствии была использована законодателем в ст. 401.17 УПК РФ. Еще одна, на

первый взгляд, четко определенная категория вызвала у правоприменителей разночтения. Так, статьей 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливается, что запрос суда в Конституционный Суд РФ допустим, если закон применен или подлежит, по мнению суда, применению в рассматриваемом им конкретном деле. Центральный районный суд города Челябинска обратился в Конституционный Суд РФ с запросом по делу, которое было приостановлено производством. Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению данного запроса. В качестве одной из причин было указано, что данное дело нельзя отнести к делам, *рассматриваемым* Центральным районным судом города Челябинска. Конституционный Суд следующим образом истолковал категорию *«рассматриваемое дело»*: *«“Рассматриваемым делом” является такое дело, которое принято к производству, по которому проводятся процессуальные действия, причем возможность их проведения не утрачена и не блокируется процедурными нормами. Любое иное дело, находящееся в производстве суда, в том числе приостановленное производством, не может быть расценено как рассматриваемое»*¹⁹.

Во всех приведенных выше примерах законодатель не посчитал необходимым конкретизировать свои правовые предписания, что и повлекло необходимость толковать соответствующие нормы специально-юридическим способом. На наш взгляд, эти примеры красноречиво показывают, что грамматическое толкование и специально-юридическое являются различными способами толкования.

В большинстве случаев специально-юридическое толкование можно отнести к нормативному толкованию. Указанные определения могли бы быть нормативно закреплены путем включения в ст. 5 УПК РФ, поскольку обладают

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 № 390-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зелиба Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 24 и пунктами 4 и 5 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 403-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Владислава Константиновича на нарушение его конституционных прав статьей 403 и частью первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2004 № 134-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Центрального районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 238 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

той же природой, что и остальные определения понятий, содержащихся в этой статье.

Вместе с тем в уголовно-процессуальном законодательстве содержатся нормы, которые объективно не могут быть конкретизированы самим законодателем. Причин невозможности их четкой регламентации несколько: отсутствие практики применения новой нормы на момент принятия; оценочный характер нормы; многообразие случаев ее применения; традиции юридической техники и стилистики и др. Создавая такие нормы, законодатель осознанно «обрекает» их на специально-юридическое толкование. Как правило, такого рода толкование осуществляется путем обобщения судебной практики и издания официальных разъяснений в виде постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Такой прием специально-юридического толкования уголовно-процессуальных категорий, как перечисление случаев, примеров того, как надо понимать данную норму, — один из наиболее эффективных, а зачастую — единственно возможный прием. Перечисление может содержать как примерный перечень случаев, так и закрытый. Так, категорию *«иные расходы, понесенные в ходе производства по уголовному делу»*, установленную в п. 9 части второй ст. 131 УПК РФ, Пленум Верховного Суда РФ истолковал, как *«...расходы органов дознания, следствия и суда, понесенные при производстве по делу, непосредственно связанные с собиранием и исследованием доказательств и предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (например, расходы, связанные с участием педагога, психолога и иных лиц в производстве следственных действий)»*²⁰. С другой стороны, толкуя категорию *«согласие обвиняемого с предъявленным обвинением»* (гл. 40 УПК РФ), Пленум дал исчерпывающий перечень элементов обвинения, согласие с которыми и означает согласие с обвинением: *«...фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форма вины, мотивы совершения деяния, юридическая оценка содеянного, а также характер и размер вреда, причиненного деянием обвиняемого»*²¹.

По мнению А. Ф. Черданцева, который, в свою очередь, соглашается с Е. Врублевским, толкование оценочных терминов и выражений следует относить к особому способу толкования — функциональному²². Данная точка зрения не нашла широкого развития в научной литературе. Представляется, что это абсолютно справедливо, поскольку функциональный способ толкования в том виде, как он представлен в работах указанных авторов, выглядит достаточно искусственным и противоречивым. К примеру, раскрывая сущность функционального толкования, А. Ф. Черданцев, кроме интерпретации оценочных терминов и выражений, остановился на «...значении правил общежития, морали, правосознания, политики, конкретных ситуаций и юридической практики в толковании»²³. Безусловно, все указанные явления имеют определенное влияние на весь процесс правоприменения, однако этого недостаточно для того, чтобы объединять их в единый способ толкования. Во всяком случае, в уголовно-процессуальном праве, на наш взгляд, этому способу места нет.

Однако было бы ошибкой сводить специально-юридический способ толкования только к даче определений (дефиниций) терминов и понятий, раскрытию правового смысла различных юридических категорий и конструкций. Представляется, что предметом специально-юридического толкования являются различные правовые воззрения, теории, позиции, которые необязательно должны быть прямо зафиксированы в действующем законодательстве. Так, в науке достаточно давно идет спор о законности и справедливости такого термина, как *«нереабилитирующие основания»* для прекращения уголовного дела. Некоторые авторы считают, что если нет обвинительного приговора суда, то прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям сродни оставлению под подозрением — мрачной примете средневековых и современных антидемократических режимов. Поскольку данный термин не используется в УПК РФ, ни Пленум Верховного Суда РФ, ни Конституционный Суд РФ не имели

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» // Российская газета. № 294. 27.12.2013.

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. № 286. 20.12.2006.

²² См.: Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 195—197.

²³ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 197.

формальных оснований для его разъяснения. Однако, проверяя конституционность положений ст. 133 УПК РФ, касающихся оснований реабилитации, Конституционный Суд РФ посчитал возможным и необходимым высказать свою правовую позицию по данной проблеме: *«Согласно статьям 133 и 134 УПК Российской Федерации применение реабилитации в конкретном деле является результатом принятия в рамках уголовного судопроизводства решения, снимающего с лица выдвинутые против него обвинения, — оправдательного приговора, постановления или определения о прекращении уголовного преследования в связи с отсутствием события или состава преступления, в связи с непричастностью лица к совершенному преступлению и др. Правила названных статей, однако, не распространяются на случаи прекращения уголовного преследования и отмены применяемых в отношении лица принудительных мер по так называемым нереабилитирующим основаниям <...>. Прекращение уголовного дела в подобных случаях само по себе не является свидетельством незаконности осуществлявшегося против лица уголовного преследования; оно означает не исправление ошибки или иного нарушения закона, а отказ от дальнейшего доказывания виновности лица несмотря на то, что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются»*²⁴. Таким образом, Конституционный Суд РФ разъяснил сущность толкуемого теоретического положения и фактически реабилитировал «нереабилитирующие основания». Такого рода решения не редкость

для Конституционного Суда РФ. Подобным способом он разъяснил публично-правовую сущность мер пресечения, когда потерпевшие просили признать неконституционной норму, не предусматривающую их участия в судебном рассмотрении вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу²⁵. Так же была установлена и разъяснена правовая природа указов Президента РФ о помиловании и их место в системе уголовно-процессуальных и уголовно-правовых правоотношений²⁶.

Порой при специально-юридическом толковании Конституционному Суду РФ удается создавать научно-практические мини-теории, оправдывающие конституционность оспариваемой нормы и определяющие тенденцию правоприменения на годы вперед. Так, известно, что Европейский Суд по правам человека не рассматривает российские кассационную и надзорную инстанции в том виде, в котором они регламентированы УПК РФ, как эффективное средство защиты прав человека. Однако Конституционный Суд РФ оправдывает существование процедуры единоличного рассмотрения судьей надзорной жалобы: *«...предусмотренное законом единоличное рассмотрение судьей надзорной жалобы представляет собой предварительную процедуру, введение которой обусловлено целью не допустить превращение суда надзорной инстанции в обычную (ординарную) судебную инстанцию и исключить передачу в суд надзорной инстанции явно необоснованных обращений; сама по себе указанная процедура рассмотрения надзорных жалоб (представлений), в рамках которой определяются правовые основания для*

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 278-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахундова Назима Фикрет-оглы на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Данная правовая позиция изложена также в определении Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 279-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рысевой Нины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 № 422-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Диденко Виктора Владимировича и Осадской Татьяны Михайловны на нарушение их конституционных прав положениями статей 42, 108 и главы 43 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ См.: определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 111-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мокрушина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 16 части четвертой статьи 47, статьями 376, 397 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

дальнейшего движения дела и передачи его для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции, отвечает правовой природе и предназначению надзорного производства в его конституционно-правовом смысле, выявленном в принятых Конституционным Судом Российской Федерации решениях; поскольку постановление судьи может быть обжаловано председателю соответствующего суда или (в установленных законом случаях) его заместителю и поскольку при рассмотрении дела по существу судом надзорной инстанции обеспечивается соблюдение в отношении сторон судопроизводства процессуальных принципов и гарантий, единоличное рассмотрение судьей надзорной жалобы не может расцениваться как ограничивающее право каждого на судебную защиту; единоличное разрешение вопроса о наличии (или отсутствии) оснований для возбуждения надзорного производства не освобождает судью от обязанности проанализировать все изложенные в жалобе доводы о допущенных при рассмотрении дела в судах нижестоящих инстанций нарушениях закона и принять обоснованное решение об удовлетворении надзорной жалобы либо об отказе в этом»²⁷. Специально-юридическое толкование, данное Конституционным Судом проверявшейся норме, наделяет процедуру предварительной проверки жалобы судьей надзорной инстанции новыми элементами, которых не было и нет в тексте УПК РФ. Здесь и цели, и сущность, и правовая природа предварительного единоличного рассмотрения судьей надзорной жалобы. Здесь же и возможность обжалования решения этого судьи, и необходимость проанализировать все доводы надзорной жалобы, обосновать свое решение. Конституционный Суд РФ в своих рассуждениях вышел далеко за пределы исследуемой нормы, создав довольно сложную и логично вписыва-

ющуюся в систему уголовно-процессуального законодательства процедуру²⁸.

Результатом специально-юридического толкования может стать формулирование и последующее законодательное закрепление новых принципов и презумпций в уголовно-процессуальном праве. Так, именно в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.06.1978 № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому права на защиту» был впервые сформулирован принцип презумпции невиновности практически в том виде, в котором он закреплен в Конституции РФ и УПК РФ в настоящее время. В статье 160 Конституции СССР 1977 г. содержалось положение: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». Пленум Верховного Суда СССР посчитал возможным истолковать указанное конституционное положение следующим образом: «В целях обеспечения обвиняемому (подсудимому) права на защиту суды должны строго соблюдать конституционный принцип, согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»²⁹.

По вполне понятным причинам высшие судебные органы не могут слишком часто «создавать» новые презумпции и принципы. Однако время от времени в их решениях появляются формулировки, содержащие указанные категории. Так, Конституционный Суд РФ указал на «принцип разумности» как на критерий обоснованности отвержения следователем и дознавателем, а также судом доводов, приводимых в жалобе или заявлении участника уголовного судопроизводства³⁰. В другом ре-

²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 492-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глотова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ В данном случае мы не вступаем в споры по существу данного решения Конституционного Суда РФ.

²⁹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.06.1978 № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М. : Спарк, 1995. С. 159.

³⁰ См.: определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2008 № 441-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толстяковой Любови Андреевны на нарушение ее конституционных

шении Конституционный Суд, разъясняя значение термина «сторона защиты», указал: «Уголовно-процессуальное законодательство не может не исходить из той презумпции, что защитник (адвокат), которому обвиняемый доверяет осуществление своей защиты по уголовному делу, действует в пределах предоставленных ему полномочий и в интересах последнего»³¹. В определении Конституционного Суда от 08.12.2011 № 1616-О-О говорится о вытекающих из ст. 19 (ч. 2), 46 (ч. 1 и 2), 50, 52 и 55 (ч. 3) Конституции РФ принципах правовой стабильности и правовой безопасности³², а в определении от 17.11.2011 № 1560-О-О упоминается принцип объективности³³.

С. С. Алексеев в качестве одного из методов специально-юридического толкования выделяет отраслевую принадлежность норм³⁴. А. Ф. Черданцев, не соглашаясь с существованием самостоятельного способа специально-юридического толкования в принципе, считает, что определение отраслевой принадлежности нормы относится к систематическому способу толкования³⁵. На наш взгляд, по данному вопросу следует согласиться с точкой зрения С. С. Алексеева. О систематическом толковании можно говорить в том случае, если все элементы системы известны, то есть известны их свойства, содержание. Кроме того, все элементы системы должны обладать однородными признаками, объединяющими их в эту систему. В этом случае толкователю остается выяснить значение нормы в системе той или иной отрасли, нормативного акта или всего за-

конодательства, то есть истолковать норму посредством систематического способа. В случае же определения отраслевой принадлежности нормы толкователь (интерпретатор) первым делом изучает ее сущность, свойства, а уже потом «примеряет» ее к той или иной системе. На наш взгляд, достаточно ярко специально-юридическое толкование для определения отраслевой принадлежности нормы было применено Конституционным Судом РФ в деле о проверке конституционности некоторых положений Закона Республики Мордовия от 20.01.1996 «О временных чрезвычайных мерах по борьбе с преступностью». В данном Законе содержалась норма, предоставляющая Министерству внутренних дел Республики Мордовия право задержания в административном порядке по согласованию с прокурором членов организованных преступных групп сроком до 30 суток. Ссылка на административный порядок такого рода задержания была сделана местными законодателями исходя из того, что административное право находится в совместном ведении РФ и субъектов Федерации. Рассматривая дело о проверке конституционности данной нормы, Конституционный Суд РФ указал: «Задержание как мера воздействия, направленная на борьбу с преступностью и на пресечение преступлений, по существу, является задержанием не “в административном порядке”, как его называет законодатель Республики Мордовия, т.е. административным (административно-процессуальным), а уголовно-процессуальным». Отраслевая принадлежность данной

прав частями второй и третьей статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 1684-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буравлева Николая Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 7, 123, 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2008 № 414-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав положениями статей 327 и 328 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³² Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1616-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Локотковой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³³ Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1560-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скученкова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 260 и частью первой статьи 378 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 303.

³⁵ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 125.

нормы была установлена посредством специально-юридического толкования, с использованием знаний о предмете и методе уголовно-процессуального и административного права, о задачах данных отраслей законодательства. Теперь, когда Конституционный Суд выяснил значимые свойства элемента (нормы), он может переходить к систематическому способу: «Следовательно, отношения, урегулированные пунктом “б” части первой статьи 1 Закона, регулированию посредством административного (административно-процессуального) законодательства не подлежат. Поэтому неосновательным является утверждение стороны, принявшей оспариваемый акт, о том, что в данном случае она действовала в рамках статьи 72 (пункт “к” части 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой административное, административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, и что при отсутствии федерального закона она на основании статьи 76 (часть 2) Конституции Российской Федерации была вправе издать соответствующий закон»³⁶.

Таким образом, необходимо сделать выводы, касающиеся специально-юридического толкования в уголовном процессе и уголовно-процессуальном праве.

1. Специально-юридический способ является самостоятельным способом толкования.

2. При специально-юридическом толковании могут использоваться знания из различных областей науки, однако главным источником информации для данного способа толкования являются юридические знания — знания закона и юридическая теория.

3. Предметом специально-юридического толкования являются:

- а) специальные термины, понятия, категории, юридические конструкции, содержащиеся в нормативных актах, регулирующих уголовное судопроизводство;
- б) юридические категории, понятия, теории, не закрепленные в законодательстве, оказывающие влияние на правоприменение и законотворчество;
- в) отраслевая принадлежность нормы права.

4. Если специально-юридическое толкование осуществляется официальным органом, то, как правило, оно является нормативным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. — М. : Юрид. лит., 1981. — 354 с.
2. Власенко Н. А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды // Журнал российского права. — 2009. — № 12. — С. 58—67.
3. Вопленко Н. Н. Интерпретационная техника: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. — 2007. — № 9. — С. 5—22.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. — М. : Юрист, 2001. — 512 с.
5. Миролевич А. В. Рассуждения о природе оценочных понятий // Сибирский юридический вестник. — 2006. — № 4. — С. 19—29.
6. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. — М. : Юстицинформ, 2005. — 144 с.
7. Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. — М. : Юрайт-М, 2001. — 346 с.
8. Слесарев А. В. Специально-юридическое толкование норм гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2003. — 198 с.
9. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2001. — 776 с.
10. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие для вузов. — М. : Юнити-Дана, 2003. — 381 с.
11. Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. — М. : Юрид. лит., 1967. — 192 с.

Материал поступил в редакцию 17 июля 2019 г.

³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1997 № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта “б” части первой статьи 1 Закона Республики Мордовия от 20 января 1996 года “О временных чрезвычайных мерах по борьбе с преступностью” в связи с жалобой гражданина Р. К. Хайрова» // СЗ РФ. 1997. № 28. Ст. 3498.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Obshchaya teoriya prava : v 2 t. [The General Theory of Law : in 2 volumes] Moscow: Yuridicheskaya literatura Publishing; 1981. (In Russ.)
2. Vlasenko NA. Sudebnye pravovye definitsii: priroda, funktsii, osnovaniya deleniya i vidy [Judicial legal definitions: Nature, functions, bases of division and types]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2009;12:58—67. (In Russ.)
3. Voplenko NN. Interpretatsionnaya tekhnika: ponyatie i sodержanie [Interpretation technique : The concept and content]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Volgograd State University]. Series 5: Jurisprudence*. 2007;9:5—22. (In Russ.)
4. Matuzov NI, Malko AV. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of the State and Law]. Moscow: Yurist Publishing; 2001. (In Russ.)
5. Mirolevich AV. Rassuzhdeniya o prirode otsenochnykh ponyatiy [The discourse on the nature of evaluation notions]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik [Siberian Legal Bulletin]*. 2006;4:9—29. (In Russ.)
6. Pigolkin AS. Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR [Interpretation of normative acts in the USSR]. Moscow: Yustitsinform Publishing; 2005. (In Russ.)
7. Protasov VN. Teoriya prava i gosudarstva. Problemy teorii prava i gosudarstva. [Theory of Law and the State. Problems of the theory of law and state]. Moscow: Yurayt-M Publishing; 2001. (In Russ.)
8. Slesarev AV. Spetsialno-yuridicheskoe tolkovanie norm grazhdanskogo prava : dis. ... kand. yurid. nauk [Special legal interpretation of the norms of civil law: Cand.Sci. (Law) Thesis]. Omsk; 2003. (In Russ.)
9. Matuzov NI, Malko AV, editors. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy [Theory of the State and Law: Course of lectures]. 2nd ed., Moscow: Yurist Publishing; 2001. (In Russ.)
10. Cherdantsev AF. Tolkovanie prava i dogovora : uchebnoe posobie dlya vuzov [Interpretation of law and contract: A study-guide for higher schools]. Moscow: Uniti-Dana Publishing; 2003. (In Russ.)
11. Elkind PS. Tolkovanie i primeneniye norm ugovovno-protsessualnogo prava [Interpretation and application of norms of criminal procedure law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publishing; 1967. (In Russ.)